

Метафизический путь

Любимова Т.Б., Институт философии РАН
tat-lub@yandex.ru

Аннотация: Традиция и учение о Единой духовной традиции исходит из принципа изначального единства, объединяющего в себе проявленный и непроявленный миры. Метафизический путь, о котором говорится в книге Матжиои с таким же названием, начинается и заканчивается в непроявленном. Цель этого пути – бесконечное. Этот путь проходят все существа, цивилизации, человечество и сама Вселенная. Таков комментарий Матжиои символа Тай-цзы. Этот символ он называет универсальным. Самая точная формула всего проявленного мира представлена в И-цзин, в котором разворачивается этот универсальный символ, Великий Предел. Статья представляет собой комментарий к этому комментарию Матжиои. Цель – представить понимание указанных древних памятников с точки зрения учения о единой Традиции.

Ключевые слова: метафизический путь, универсальный символ, традиция, Тай-цзы, мир форм, циклы проявления, Вселенная, цивилизация, индивид, Единое

Так называется книга Матжиои¹. На этом пути может возникнуть особый образ философии.

Кто-то из знаменитых физиков, выйдя однажды ночью на улицу и посмотрев на звездное небо, воскликнул: «Где все?». Он поражен был бескрайностью Вселенной и ее «незаселенностью». А ведь слово Вселенная значит «всё заселено»?

Но мы-то, метафизики, знаем, «где все». Они все здесь, на Земле. Уже все собрались

Это было бы так, если бы метафизический путь, о котором говорит Матжиои, имел завершение, и тогда все под конец, как бы под занавес, должны были бы собраться здесь, на сцене, т.е. на Земле. Ведь к развязке должны быть причастны все участники событий, предшествующих ей и ведущих к ней.

Мы начали с этого вопроса «Где все?», потому что это один из основных вопросов философии, как некогда называли темы, которые занимали по разным причинам умы философов. Сейчас основные вопросы совсем другие, чем когда-то. Но и они не очень новые. Почему есть что-то, а не ничего? Почему то, что есть, таково, а не совсем-совсем другое? Где я был до своего рождения? И было ли «я» вообще? Что такое время, и есть ли оно вообще? Кто есть - Я или я? Почему, если я есть (у меня ведь есть само-чувствие себя), есть еще какие-то другие «я» (ведь у меня нет само-чувствия другого «я»)? И что же значит эта загадочная «любовь, что движет Солнце и светила», которая к тому же «сильна как смерть»? Ее гонишь – она не уходит, зовешь - она не приходит. Так ли всеобще и всемогуще страдание? Почему мы никак не можем достичь

¹ Матжиои. Метафизический путь. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – 255 с.

бессмертия или хотя бы неколебимого здоровья? Наконец, неразрешимой загадкой предстала перед философией сама жизнь? О науке здесь можно не говорить, поскольку она не имеет возможности изучать жизнь, она пытается свести ее к «механизмам», сам метод науки – аналитический – не совместим с жизнью. Разве должно и может чудо жизни быть ограниченным крошечным местом во Вселенной? Тогда опять: где все? Можно предъявить еще множество других подобных вопросов, на которых нет ответа, например, «Что есть истина?». А чудо знания и разума, почему они так жалко сегодня представлены и так ограничены? Наконец, «Что такое человек»? И это совсем не те «основные вопросы философии», на которых странным образом застряла философия, в особенности, наша, вырождаясь постепенно в литературу, беллетристику, рассказывание анекдотов (биографий и тому подобного) о великих людях прошлого, с одной стороны, а с другой - в полное пренебрежение истинами высшего порядка, подменой истинного интеллектуализма рационализмом или иррационализмом, т.е. сведением познания к науке, сайентизму, к тому, что ниже разума, а не выше его. Но взаимоотношения философии и науки в ее современном состоянии не есть предмет данного рассмотрения. Поэтому мы не будем больше останавливаться на этом специально, тем более что современная наука и метафизика суть разные точки зрения практически на все.

Чей же это путь – метафизический? Индивида? Вселенной? Единого, всего и недостижимого источника этого всего, что было, есть и будет, чего никогда и нигде не было и не будет? Чтобы понять его универсальность, приведем логическую схему важных понятий учения о Единой Духовной Традиции в отношении различения «я» и «Само», «тоі» и «Soi», «іо» и «Se», данную Рене Геноном²:

Универсальное.	{	Не-проявленное
		Проявленное вне форм (informale)
Индивидуальное – проявленное в формах (formale)	{	Тонкое состояние
		Плотное состояние

Метафизика, коей и должна быть философия, но более не может себя так называть, отвечала на подобные вопросы, обращалась к символическому способу выражения доступного высшего знания. В сущности, представленная выше иерархия уровней «всего» тоже есть символическое выражение в силу того, что язык сам есть символизм: «Всякое выражение, всякая формулировка, каковы бы они ни были, уже суть символ мысли, которую они передают вовне»³; вся природа есть символ сверх-

² Guénon R. Distinzione fondamentale fra il “Sé” l’”io” / Rivista di Studi tradizionali. Nosce te ipsum. Torino, Edizione “Il Simbolismo”, 2018, № 109. P. 10.

³ Генон Р. Символы священной науки. Символы священной науки / Пер. с франц. Н.Тирос. М.: Беловодье, 2002. 496 с. – С. 35.

природного. В этом смысле и сам путь, и весь проявленный мир «имен и форм» имеет символический характер, в индуизме он называется нама-рупа и неточно передано как «мыслеформы» нашими любителями «эзотерического» в их понимании, потому что «нама» значит в первую очередь имя, число и затем уже мысль; эти значения здесь слиты, а слитость мысли и слова, именования важна для понимания традиционного способа мышления. Все, что может быть выражено и сказано, есть опора для размышления, которое тоже есть путь от низшего уровня проявления к высшим доступным нам истинам, к универсальному, т.е. к принципу. От него Путь начинается и в нем же он заканчивается. «Само» - это принцип бытия, проявленного и непроявленного. «Само», согласно Генону, может пониматься как Атман и даже как Паратман, но не как «я», не как аханкара (конкретное эмпирическое эго, когда говорят: «я действую»), этот аханкара есть иллюзия, источник наших заблуждений и преткновений, но иллюзия необходимая, без нее мы не можем в мире быть активными в той мере, в какой и он есть иллюзия). Этому Само ничего не противопоставляется, оно универсально (фр. Soi, ит. Se). «Я» - принцип индивидуальности, проявления в формах, в тонком и плотном состояниях. Это нельзя смешивать, поэтому, когда переводят Soi (Se) как высшее Я, то это ошибка, вызванная чисто западным индивидуализмом, когда именно индивидуальное (и фактическое) существование принимают за основания универсального, или когда не различают всеобщее, т.е. обобщение, и универсальное. Это не вопрос лингвистики, не словарной точности перевода, но вопрос понимания другой точки зрения. Не следует Атман-Само переводить как Дух, так как это слово сразу же ассоциируется с двойственностью дух-материя, присущей западной философии, начиная с Декарта. Основная же черта метафизики Востока – принцип недвойственности. То же следует сказать и относительно прочих смешений, следующих из «схлопывания» приведенной выше иерархии метафизических понятий. Например, когда L'Être переводят не как Бытие, а как Сущее, что даже грамматически неверно, поскольку во французском языке есть глагол «существовать», от коего и образовано всякое сущее. Для русских исследователей традиции и, особенно, для знатоков учения о Единой Духовной Традиции характерна частая замена выразительных русских слов, например, посвящение, изначальная традиция, отождествление, на иностранные словарные соответствия, которые якобы служат терминами, что странно, но объяснимо несамостоятельностью русской философии, ее многовековой зависимостью от «западных образцов». Если скажешь вместо «посвящения», слова, говорящего само за себя, «инициация», слово, которое не имеет внутреннего смысла для нашего языка, то говорящему кажется, что это уже наука, что это уже высшее знание, философия. Однако такая замена продолжает работу разрушения связей внутри языка, делает его плоским. Говорить же о Традиции «плоско», значит вообще говорить о чем-то другом. В сущности, это «недо-разумение» закрывает метафизический путь для России навсегда. Потому что из недр самого языка как формы мысли возникает возможность «вечной философии», этого искреннего стремления к истине, хотя для Традиции место истины не есть исключительно или предпочтительно мышление, Истина – это сама Традиция, а не только мышление о ней, подобно тому, как здоровье – это истина нашего тела и души, а не мысль об их здоровье. Это немаловажно, поскольку «порча языка», как утверждает Генон, есть

инструмент работы контртрадиции, цели которой весьма неблагоприятные.

Метафизический путь охватывает собой все превращения нашего «я» и условий его существования, мир имен и форм. Вечная философия не похожа на то, что мы теперь считаем философией, но кажется, что она говорит о чем-то гораздо более важном, сущностном, неотменном, о чем трудно говорить, не впадая в банальность и даже пошлость, говорить о невыразимом. Одна возможность выражения невыразимого, т.е. изначального принципа, причем известная из невероятно отдаленных от нас времен, выражения самого минимального и притом самого ёмкого, пришла к нам на Запад с Дальнего Востока. Речь идет о Тай-цзы, символе, который можно назвать универсальной формой проявленного существования. Хотя даже слово «существование» для этого символа тоже не суть его сути. Бесчисленное количество интерпретаций, весьма глубоких и не очень, существует в философской и востоковедческой литературе. Здесь важен метафизический взгляд на этот удивительный «предмет» с точки зрения учения о Единой Духовной Традиции. И мы не будем касаться интерпретаций этого символа, существующих в философской и востоковедческой литературе, поскольку в ней, как правило, господствует другая, не метафизическая точка зрения. Об этом символе и его «развертке» в И-цзин очень проникательно и точно пишет Матжиои (Альбер Пюйу, граф де Пувурвиль, 1862-1939) в своей книге. Но эта точность другая, не эмпирическая, поскольку та метафизична, о которой в книге идет речь. Не подлежит опыту нашего маленького «я». Масштаб того, что соотносится с этим символом, неподвластен воображению. Начало Традиции полагается не во времени, утверждается только, что о Начале было известно «с начала времен», запечатлено же это знание было в памятниках, истоки которых тоже уходят в неопределенно далекую древность. Во времени невозможно указать, когда эти памятники были созданы, хронология и даты имеют символическое значение. Точки соприкосновения метафизического начала и «исторического» подобны тому «разрыву», который отделяет предел от бесконечной последовательности цифр, стремящихся к пределу. Собственно числом является единица, манипуляции с которой порождают все остальные числа. Любое число есть преобразование единицы, а единица – символ Единого. Бесконечный (неопределенный) ряд – символ времени, безмерное, не содержащее в себе интервала мгновение – тоже она самая, единица. Поэтому все равно, в какой точке времени искать начало Традиции, т.е. единого и целостного; она начинается в любой и везде. Мы его не видим, потому что не находимся на точке зрения Традиции, т.е. находимся не в фокусе. Естественно искать эту точку на горизонте событий прошлого, где «лучи знания» сфокусированы более четко, т.е. в далеком прошлом, ведь прошлое так же фиктивно, как и горизонт, и то и другое от меня на одном расстоянии, между прошлым и мною, между горизонтом и мною – разрыв (горизонт, однако, исчезает, если смотреть из космического пространства). «Когда Фу-си, этот загадочный император, написал за три тысячи семьсот лет до Иисуса Христа, то есть за две тысячи триста лет до Моисея, те метафизические и космологические арканы, которые послужили основой для “И-цзин”, он заявил, что получил свое учение из прошлого, и заявил, что это прошлое было весьма мудрым, весьма благоразумным, и его границы очень трудно точно определить. И он сказал, что понимает, что однажды для будущих народов его эпоха будет также непонятной и ее

границы будет также трудно точно определить»⁴. Тем не менее, Фу-си датирует свое творение совершенно точно, указывая на расположение звезд, сцепляя конкретную дату с изначальным временем, когда жили древние (уже по отношению к этому расположению звезд), Метафизический путь не предполагает откровений: «Откровение – это облако, окутывающее истину, облако, формы которого обусловлены духовной эстетикой момента; это, грубо говоря, ложь, соответствующая чувствам и потребностям того часа, когда она формулируется, и обреченная в будущем быть опровергнутой, отрицаемой и замененной, по мере того, как преобразуются чувства, ее породившие.... Но учителя дальневосточного мышления не нуждались в содействии неба, чтобы рассеивать заблуждения и создавать символы. Их народам, довольствующимся истиной, которую они никогда не теряли, не требовалась мишура, чтобы ее скрывать; им не требовалось открытое проявление Бога, так как они были еще слишком близки к нему, чтобы о нем позабыть или уже утратить о нем знание. В неповрежденной Традиции и в словах тех, кто ее передавал, они ясно видели само небо и его творение»⁵. Что касается совсем земных дел и нравственности народа, «то близкий к природе философ Конфуций берет ответственность за него на себя, без всякого божественного вмешательства; и известно, каким наставительным тоном этот сладкоголосый мудрец обучал своих учеников и как он завоевал дух своего народа, чего никогда не смогли сделать пророки Иудеи и Ислама, являвшиеся среди резни и проклятий»⁶. У «желтых» народов нет религии в западном смысле, их вера рациональна и универсальна. Происхождении И-цзин Матжиои относит к до китайским временам: «Любопытно, что этому представлению созвучны некоторые концепции современной ицинистики.... Некоторые исследователи, как в самом Китае, так и на западе, выдвигают предположение, что в действительности И – это топоним, обозначающий некое древнее государство. Существует также версия, что иероглиф И изначально являлся этнонимом, обозначающих северных варваров. Эти географические и этнографические интерпретации подтверждают версию Матжиои об инородном для китайской цивилизации происхождении “И-цзин”»⁷. Таким образом, как сам метафизический путь, так и знание о нем, т.е. Тай-цзы и И-цзин, выраженные в символической форме, восходят не просто к глубокому прошлому, а к началу, пределу, горизонту времени. Тай-цзы, т.е. Великий Предел, есть абсолютный символ, «нерасторжимо единый в своей сущности (несмотря на видимость, которую материальное изображение вынуждено ему придать)»⁸. Для нас наше «я» предстает как граница мира; к нему, нашему маленькому «я», к этой неистребимой для нас точке, фокусу сознания, мы относим все: тело, душу и мироздание. Однако для него в мире, в теле и в душе нет никакого места. Все же оно относится не к метафизическому, т.е. универсальному уровню, а к индивидуальному, несмотря на то, что ему нет места нигде, но его место в сознании, которое исчезает вместе с индивидуальной жизнью. От

⁴ Матжиои. Метафизический путь. С.42.

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Быстров В.Ю. У истоков учения о традиции / Матжиои. Метафизический путь. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – 255с. – С. 19-20.

⁸ Матжиои. Метафизический путь. С. 65.

него мы отталкиваемся, вступая на путь к себе (т.е. Само, Soi). В этом смысле оно, это «я» перед лицом Универсального – ничто, отправная точка. И в этом ничто сокрыт сам предел, к которому стремится всякое индивидуальное и все проявление в целом. Так что начало и конец пути совпадают, как они совпадают в циклическом представлении времени, различаясь на бесконечно малую величину, образуя при этом сплошную (или очень плотную) спираль. Время есть первичная иллюзия, первое из условий проявления, можно добавить, что наряду с иллюзией «я», или в индуизме, аханкары, т.е. приписывания себе импульса деятельности, «я действую». С утверждением эфемерности нашего деятельного «я» перекликается принцип недеяния даосизма: «Как планеты вращаются по своим орбитам, так же и человеку не стоит сходить со своей индивидуальной орбиты. У всех они разные. Но если вы находитесь на своей, то все будет в порядке и идти своим чередом, пока наконец в высшей фазе развития не дойдет до состояния, описанного в “Дао-дэ цзин”, когда “не делаешь и нет несделанного” (у вэй – ву бу вэй)»⁹.

Символ перекрученного кольца (а, значит, и циклического времени, в котором оно для нас реализуется, т.е. в спирали) есть конкретизация абсолютного символа Тайцзы, развернутого в расходящихся по бесконечным возможностям И-цзин. В.Ю. Быстров, переводчик книги Матжиои, знаток учения о традиции, заканчивает свое предисловие странными словами: «Само название книги Матжиои “Метафизический путь” указывает ... на раскрытие тех человеческих способностей, которые в актуальном состоянии человечества пока еще оставались нереализованными.»¹⁰ Стремление к «способностям» есть признак совершенно западного умонастроения, а если прибавить сюда еще «волю к жизни» и «волю к власти», то мы получим полную карикатуру на традицию. Не надо стремиться ходить по воде, если можно воспользоваться лодкой. В йоге, например, возникающие по пути продвижения сверхспособности не следует применять в жизни, они суть просто отметки, признаки достигнутого уровня, и соблазн их использовать приводит к тому, что путь прерывается. И стремившийся к высшему достижению (освобождению) может даже начать деградировать. Матжиои не имел в виду развитие способностей или их проявление в данном состоянии, в «человеческой форме», он преследовал другую цель - истину: «В эпоху, когда вновь пытаются подняться к истокам человеческих наук с целью найти там еще не оскверненную истину, я полагал, что было бы неплохо изобразить извечный и традиционный исток всякого знания, изначальный исток в котором берет свое начало все человечество»¹¹. Относительно возможностей он говорит, что каждое существо реализует все возможности во всеобщей гармонии творения, во всех «мирах», т.е. во всех состояниях, символически обозначаемых 64 гексаграммами, причем ни одно из состояний не повторяется, но каждое существо не пропускает ни одного состояния. Однако в каждом состоянии реализуются именно те состояния каждого существа, которые ему как раз надлежит пройти на метафизическом пути. Это же касается и Вселенной, и нашего человеческого мира. Поэтому, например, гадание, которое есть не что иное, как

⁹ Истинный канон желтого двора. Комментарий Суй Юньдзяна / Пер. с кит. Виногородской В. М.: Издательство Ганга, 2018. С. 26.

¹⁰ Быстров В.Ю. У истоков учения о традиции. С. 35.

¹¹ Матжиои. Метафизический путь... С. 36.

определение возможных состояний, есть необычайно тонкая и сложная наука, точное искусство, что для Традиции не так разделено, как мы привыкли их разделять: «Можно сделать выводы из предшествующих текстов», 4) что такое изучение должно было производиться принятием в качестве умственного руководства одной из 64 гексаграмматических позиций, в соответствии с формулировкой вопроса, и что поэтому существовало 64 способа изучения гексаграммы, выпавшей при маипуляции, и, следовательно, 64 в квадрате, либо 4096 способов ответить на поставленный вопрос»¹². Понятно, что по этой формуле можно получить бесчисленный ряд возможностей. Так что зачем нам о них заботиться в нашем состоянии, ограниченном нашей человеческой формой, множественностью и определенностью.

Фу-си ставит символ Тай-цзы в начале «первого памятника познания» человечества, т.е. И-цзина, представляющего собой изначальный синтез всех возможностей проявления, по крайней мере, нашего мира с его особыми условиями существования: «Убеждение в таком синтезе, настолько мощном, что он включал в себя в свернутом виде все мыслимые усилия человеческого духа, послужило основанием достоверности всей азиатской философии и развило разум народов желтой расы, опирающийся на аналогию и дедукцию»¹³. Фу-си не придумал ни этот символ, ни сам памятник; надо думать, что, как и все «культурные герои», он был одновременно и функцией «коллективного разума», и реальным историческим лицом. Синтез и внутренняя стройность суть первые признаки традиционного познания, и это послужило долговечности и единству в своей основе дальневосточной цивилизации, наряду с почтением к древним и вообще прошлому, поклонением общему Предку народа (у них был общий Предок, и они его помнили; действительно, зачем им нужна лишняя идея чужих богов, предков других народов, абстрактных и навязываемых извне). Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот общий Предок одновременно и нечто конкретное, и то самое начало, к которому возвращается всё, пройдя бесконечный (точнее, неисчислимый) метафизический путь. Если не иметь в виду этой внутренней основы цивилизации желтой расы, то нельзя понять и самих древних памятников, т.е. мы будем интерпретировать их в духе западной ментальности. «Творение Фу-си состояло из трех трактатов, два из которых были потеряны; современные сочинения упоминают лишь их названия; это были “Ляньшань” (цепи гор), то есть “Книга Неизменных Принципов”, над которыми ничто не может преобладать; “Гуйцан” (возвращение), то есть “Книга, в которой должны быть приведены все вопросы”, с целью найти их решение. Третий трактат, который и является первым памятником человеческого познания, носит заглавие “И-цзин” (“Перемены в круговороте”). Это заглавие напоминает, что все видимые модальности творца в творении были изучены в шестидесяти четырех символах (гексаграммах), образующих круг, и последняя из них внутренне связана с первой»¹⁴. Этот стройный «хоровод» всего из двух символов (сплошной и разорванной линии) получается из развертывания Тай-цзы по определенному алгоритму и охватывает собою всё, это и

¹² Там же. С. 254.

¹³ Там же. С. 58.

¹⁴ Там же. С. 60.

есть порядок всего. Весьма простой, казалось бы, порядок. Тем не менее, на Западе их почти всегда истолковывают неверно, и связано это с тем, что мы смешиваем вещи с их поврежденными формами – «поврежденные формы» суть то, что мы видим, пёстрый танец имен и форм, а «вещь» есть, по-видимому, сам порядок всего, «хоровод». Из смешения и неразличения следуют ошибки и отклонения. Но «самые худшие метафизические заблуждения и духовные катастрофы происходят от недостаточного понимания и ложной интерпретации символов. И будем всегда помнить о боге Янусе, который изображается с двумя лицами и который, тем не менее, имеет лишь одно, которое не является ни первым, ни вторым из тех, что мы можем видеть»¹⁵. Понятно, что бог Янус появился здесь не случайно. У Тай-цзы тоже два лица – Инь и Ян – ни то, ни другое не есть Великий предел. На самом деле в нем нет никакого дуализма, а графическая разделённость на две фигуры разного цвета дополняется объединяющим знаком точки противоположного цвета внутри противоположной фигуры: Инь снаружи. Ян внутри, Ян снаружи, Инь внутри, т.е. это неразрывное единство, и как говорит Матжиои, Ян – это Инь, только активный, Инь – это Ян, только в своем пассивном совершенстве. Они всегда вместе, объединены оболочкой. Весь символ есть Единство, способное произвести из себя бесконечное или, скорее, неопределенное множество форм, поток форм и имен. Но мы можем воспринимать только «поврежденные формы», и даже только их мы и можем понять. Поэтому мощный универсальный синтез, который мы находим в трактатах древних мудрецов, остается закрытым для современного западного человека. Греческий гений, способы аргументации которого и метод интеллектуального «препарирования» до настоящего времени использует западная философия, чужд гению китайцев. Поэтому «китайский широкий синтез оказывается благодаря таким средствам не разделенным и разъясненным, но раздробленным и разрушенным, и перед нами остается лишь израненное и раздавленное тело. Применение одной книги к разъяснению другой нельзя поэтому трактовать как абсолютное ни в отношении идеи, ни в отношении терминологии. Объяснять текст контекстом было бы здесь верхом наивности, а также ошибкой»¹⁶. Западный человек стремится к понятности и хочет быть понятым, восточный стремится к истине. А истина всегда окутана заблуждениями, и задача состоит в том, чтобы насколько возможно рассеивать это «облако заблуждений». Здесь, как и в других традициях, нам предлагается символ, который мы можем воспринять, но истолковываем его «сквозь мутное стекло» заблуждений. Западный человек считает символ инь-ян двойственным, упрекая эту метафизику в дуализме, в то время как это просто доступная для нас форма выражения невыразимого, Единого непостижимого Принципа.

«Напомним, что наш разум постигает лишь число, что он неспособен постичь Единство и тем более нуль, который является единством до всякого проявления»¹⁷. Тай-цзы – исключение, Великий предел символ единства до всякого проявления (чудным образом он похож на метафизический Нуль, который не имеет образа и не

¹⁵ Там же. С. 66.

¹⁶ Там же. С. 74-75.

¹⁷ Там же. С. 80.

похож ни на что), и единства всякого проявления. Судьба Вселенной и судьба человечества определена Небом (метафизическим), и никто не может от нее ускользнуть. Но:

В тебе самом сокрыты Небо и Земля,

Но разве знать дано об этом заурядным?¹⁸

Небо и Земля – это Вселенная. Т.е. Вселенная в тебе самом; то же выражено в западной традиции как тождество или аналогия микрокосма и макрокосма, или как всё во всём, но в каждом особым образом. Можно сказать, что шестьдесят четыре позиции суть программы, если допустимо воспользоваться современным термином в данном случае, всех этапов цикла проявления. То, что мы называем человечеством, не обязательно должно обладать сущностным единством, т.е. быть самотождественным во всех позициях всего цикла (круга) проявления, как и всякое единство в проявлении, оно относительно. На нашем этапе цикла все существа, принявшие человеческую форму при данных условиях существования, в другом цикле проявления могут принять другую форму, оказавшись в совершенно других условиях существования, о которых в нашем мире ничего не известно, и следовательно, они примут форму, соответствующую тем условиям. И возможно, что здесь, на сцене земного мира, собрались разнородные существа, находящиеся на разных позициях этого чудесного пути, принявшие человеческую форму в силу общих условий этого места, т.е. нашей земли. Все миры суть Единство, «программа» проявления которого символически представлена в И-цзин. Миры разных циклов друг для друга непроницаемы, мы о них не можем знать, но это не значит их не существования. Если вообразить себе проявленное существование как Древо (Древо Жизни, оно же Древо познания, оно же – в христианстве, крест распятия, оно же мировая ось и т.д.), то Единство «есть» в самом центре, «стволе», или даже в том, что называется «глаз древа», который находится между двумя средами – землей и воздухом. Для человека, который у Платона и в индуизме символизируется перевернутым деревом, корни которого в небе, следовательно, глаз этого «перевернутого дерева» тоже должен находиться на границе двух сред, между тонким миром и плотным (эти понятия свойственны традиционному представлению о человеке и мире, что ясно из таблицы в начале статьи). Единство

¹⁸ Истинный канон желтого двора... С. 27. Разумеется, что существует огромное множество комментариев древних памятников Традиции. Однако комментировать имеет право каждый, раз каждый идет по Пути, знает он об этом или не знает. Тем более что Путь невидим, неслышим, несознаваем, не высказываем. Поэтому говорить о нем значит говорить о чем-то еще или говорить вообще не о нем - знающий не говорит, говорящий не знает, этот афоризм *Лао-цзы Чжуан-цзы* переделал бы так: знающий не знает, говорящий не говорит. В самом говорении путь уже есть, поэтому комментарии размножаются, не причиняя никакого вреда ни Пути, ни идущим по нему скитальцам. У людей, чутких к очарованию древности, не может вызвать никакого протеста любой комментарий, ибо в комментариях как раз и живут древние памятники мудрости. В сущности, - это процесс обучения. И раз первичный исток универсального символа *Тай-цзы*, согласно ссылке Матжиои, не китайский, универсальность символа и Пути дает нам свободу интерпретации, что как раз соответствует учению о единстве Традиции, которое проявляется в любое время и любом месте, в каждой культуре и в каждом языке. Но поскольку мы живем в «поврежденном мире», постольку нельзя указать на единственно верное понимание Пути и символа. И даже самое причудливое комментирование уступит парадоксам *Чжуан-цзы*.

всего реализуется через этот «глаз» Универсального существования. В индуизме связь всего со всем осуществляется «Кармой» (смысл слова «действие», на санскрите мужского рода; он – бог, а там все универсально значимое – боги, как и в античной Греции, да и вообще в традиционных культурах). Первое и древнее значение этого термина - именно ритуальное действие, связующее исполнителя с потусторонними силами; этот термин отнюдь не морального, но метафизического плана; этот ёмкий и метафизический термин западный человек перетолковывает на свой лад - как некое моральное возмездие или воздаяние. Но моральная точка зрения никакой метафизики в себе не несет, ведь у вэй –ву бу вэй, всё уже сделано, нет ничего не сделанного, не надо иллюзий. Подобно Гермесу, он, (т.е. бог Карма) циркулирует между мирами (разными циклами проявления и разными позициями внутри циклов), перенося некие неизменные «зерна» (духовные сущности). Для всех населяющих миры сущностей переход сквозь «глаз» мирового Древа оказывается тем, что мы называем смертью, ведь это переход сквозь метафизический Нуль, в котором бытие и небытие тождественны, неразличимы. В индуизме этому соответствует пралайя, сон Брахмы. Но это для всего цикла, для существ внутри цикла, если принять всепроникающий метод аналогии, это пересечение смертной границы. Матжиои, разумеется, придерживается традиционной точки зрения в этом, только метемпсихоз он понимает более тонко, чем современные толкователи. Различая индивидуальность и личность и относя первую только к частному существованию человека от рождения до смерти (кои для него тоже точки перехода, причем смерть есть всегда переход к более высокой степени совершенства,- не напрасно «совершенство» означает завершение, «свершилось!» значит, закончилось одно, началось другое), он личность понимает как неизменную для всех состояний, пересекающую упомянутые границы без ущерба и даже сохраняющую в себе все приобретенные за время жизни «совершенства». Именно она ведет существо человека через метемпсихоз, т.е. превращения, сохраняя то, что в христианстве называют душой. В сущности, путь превращений через беспредельное множество состояний, универсальной формулой которого будет два (которые суть одно) в шестой степени, т.е. число 64, минимальное числовое выражение «программ», по которым эти возможности реализуются для существ, проходящих все возможные превращения и вбирающих в себя все обретенные совершенства во всех пройденных состояниях. Завершение (окончательное совершенство) пути – в Единстве, в котором «всё сошлось» чудесным образом. Чудесным потому, что нам в нашем «поврежденном», т.е. ограниченном состоянии, это непостижимо, и даже может быть и нежелательно. Индивид жаждет быть вечным именно в своей индивидуальной форме и навязать ее всему, Вселенной, неведомому началу, Единому. Но не ясно, возможно ли именно это, хотя по нашей логике Единое в буквальном смысле индивид, т.е. неделимое, единственное, Атом. Именно оно и есть Атом, все, что мы считаем материальным – делимо, раз оно нами мыслится пространственным. Идея пространства состоит в возможности его делить, иначе бы Ахилл давно бы догнал Черепашу (за прошедшие тысячелетия она получила право на собственное, т.е. индивидуальное имя). Хотя эти апории относятся скорее к тому, что наше мышление, ограниченное различающей (т.е. разделяющей) силой, не в состоянии коснуться реальности. И пусть оппонент Зенона, чтобы доказать, что движение возможно, начал ходить перед ним, демонстрацией

намереваясь опровергнуть логику. Построения эти были не о движении, например, апория «куча»: когда возникнет куча – когда будет два зерна, три, четыре или сколько? Но и не о множестве, не теорию множества предвосхитил творец апорий, он задумался о возможностях самого мышления. Спасибо ему, он догадался, что они ограничены буквально изнутри, самой сутью мысли, она сама себя отпускает в бесконечное и неопределенное. Это, конечно, связано с языком, с тем, что язык не есть корпус слов, которые можно определить по точным значениям. Словари претендуют на то, что можно точно указать значение слова, но нельзя указать, насколько поле значений окажется размытым, насколько слово окажется «плавающим». Мы плавно перешли от Матжиои и его великолепного рассказа о метафизическом пути к теме языка. Казалось бы это скачок и довольно произвольный. Мы найдем оправдание скачку в самом языке. А затем вернемся к метафизике. Язык и сам по себе метафизичен, но множество языков и их разнообразие, а главное служба языка человечеству, практическое его предназначение не слишком способствуют пониманию его в качестве метафизического пути. А он таковым тоже может быть. Но не в смысле особого его употребления: в качестве поэзии или философии, или упоминавшегося уже гадания, или ритуального его употребления, или магического. Не частное использование языка, а сама его суть, причем не письма, знаковой формы языка, а говорения, т.е. изменчивой звуковой формы, бесформенной в определенном роде, на границе с молчанием. Молчание и говор самый близкий символ к тому, что в западной ментальности понимается как дух и материя, но не как двойственность, а как свойственная традиционной ментальности нераздельность одного и другого.

Устный язык ближе к Пути, если можно так выразиться (к нему реально нельзя быть ближе или дальше, ведь все на нем и в нем), во всяком случае, именно в устной речи можно увидеть символ невыразимости, непостижимости, невысказываемости Пути, а именно в том, что речь неотделима от молчания. Говорящий может помолчать, письменная речь неспособна замолчать, потому что она не говорит, а только обозначает, т.е. знаками передает какие-то знания. Голос не только выражает смыслы, он занимает пространство, объем, прикасается звучанием ко всей невидимой и неслышимой сети вселенского «закона» и бесконечного клубка путей всех существ, населяющих Вселенную. На вопрос «где все?» мы спокойно можем ответить – «все здесь, уже теперь, с нами». Этот клубок бесчисленных путей так устроен, что, будучи затронутой в одном узелке, отвечает беззвучным звучанием Вселенной. Изначальное Единство в индуизме обозначено звуком Ом, что не случайно. Индуизм – арийская традиция, (в исконном смысле, а не в том, который ему придала контртрадиция, в XX веке), утверждавшая первичность звука, как мы сейчас понимаем, вибрации, первого вихря, начала проявления, символизируемого всем звучащим. Свет и его символы – формы видимого мира, более материальны, чем невидимый, затихающий звук. Поэтому зрение – способность человека, соответствующая рациональной картине мира, а слух – духовным основаниям его мира, интуиции духовных сущностей. Этот звук Ом – аналог универсального символа дальневосточной традиции – также главный узел (Тай-цзы похож на узел), развязывание которого предстает как проявленный мир, каждый из наших современников оказывается на своем отрезке пути, эту его ниточку, как красную нить в Лабиринте, не следует отпускать. Все ниточки не пересекаются. Если же они

спутываются, то возникают тяжелые времена, хотя и они вписываются во всеобъемлющую гармонию, которую мы не воспринимаем в силу того, что не воспринимаем все в целом. Это в принципе невозможно. О голосе и звуке как символе непрерывного единения всего в отличие от визуальности с ее образами, на которых покоится ясное и отчетливое всякой вещи, можно сказать многое, но здесь мы остановимся только на том, что символ голоса и молчания первично лежал в основе ритуала и мифа, которые в традиции предстают в качестве интегрального, синтетического знания, но никак не в качестве наивного отношения к миру и человеку. Относительно голоса следует еще отметить, что голос человека насыщен обертонами, он строго индивидуален, как отпечатки пальцев, как гены. Он вбирает в себя все звуки местности, в которой человек живет и родился. Как по лицу можно сразу понять, как человек живет или прожил жизнь, так точно и по голосу, который в себе синтезирует не только звуки мест обитания, но и каким-то образом события прошлого. В нашем комментировании голос, молчание, пение мы берем только как более точное (с метафизической точки зрения) символическое изображение перехода с уровня высшей абстракции Единого целого всего мироздания к нашей конкретной земной жизни, которая нас интересует в силу того, что мы здесь существуем. Учение о Традиции, говоря о конкретных вариантах ее проявления в исторических культурах, в том числе об индийской и китайской, как сохранивших наименее поврежденные печати изначальной традиции, а также о воплотившей в большей степени (даже критической) отклонения и повреждения западной культуре, совершает этот переход «от абстрактного к конкретному» (но это выражение далеко от традиционной метафизики, мы, однако, позволим себе его использовать для того чтобы быть понятными), исходит не из данного и наличного, а напротив, объясняет данное и наличное из Принципа, т.е. метафизически, что означает не эмпирически, не психологически, не исторически и не научно (в смысле без сайентизма). А как же? Пока не попробуешь – не узнаешь.

Вопрос о единстве человечества единстве исторического процесса здесь решается не так просто, как в западной «всемирной истории». Идея всемирной истории возникла параллельно с утверждением единства человеческого рода как результата эволюции. Как первое, так и второе получается при допущении того, что все существа выстраиваются в одной плоскости, которая задается одним для всех пространством и временем, понятыми как некачественные и равномерные, объективные, в которых происходят события и помещаются вещи. На этой плоскости помещены люди-индивиды, изначальное друг от друга разделенные телесно и в сознании, прикрепленные к телу непонятным образом, как если бы это был некий головной убор, кепка, с шариком посередине, который есть наше «я». Именно из этой конструкции исходя, выстраивается всякая наука, принимающая очевидность индивидуального существования в качестве отправного пункта, при этом все непонятное, которым невозможно пренебречь, выводится, надстраиваясь над этой эмпирической картинкой. Выстроенная история шагает поступательно, образуя прогресс во всех отношениях или в каком-нибудь отношении, считающимся важным. Прогресс считается тоже очевидным. Такое конструирование, однако, не дает возможности понять ни разнообразия и даже несовместимости разных культур, беспредельного разнообразия и неповторимости индивидов, а главное,

бессмысленность самого процесса и прогресса. Смысл, конечно, можно пришить, как пуговицу к кепке, но процесс так и останется бессмысленным.

Эта тема сложна, в особенности, в сопоставлении с традиционной точкой зрения на то, что мы считаем историческим процессом.

Поскольку в Традиции нет идеи творения, а есть проявление, то здесь совсем другое понимание и человечества и его судьбы. Во-первых. Единство его носит не материальный характер, каждый народ и каждая культура есть отпечаток Единой Традиции, не сводимый один к другому. Одна печать есть символ истины, но только какого-то одного ее момента. Другая – другого момента. Возникает все это по мере удаления от Традиции, места полноты истины. Следовательно, все народы имеют эту уникальную собственную печать истины, все культурные традиции образуют последовательность, но не преемственность, каковая предполагается во всемирной истории. Так и сама эта последовательность лежит не в одной плоскости, ее «петли» (поскольку это тоже путь, то могут быть и петли) могут уходить в другое пространство и в другое время. Надо понимать, что отклонения и ошибки всегда возможны, но в универсальной вселенской гармонии каждое из отклонений имеет свое место, и в конечном счете цели достигают все. Все существа и вещи подчиняются единой программе, метафизическим символом которой Матжиои называет И-цзин. Он пишет о неизменности «направления и последовательности видоизменений, через которые проходят все существа. Так как подобно тому, как деятельность запрещает дважды проходить через одну и ту же форму, так и гармония запрещает возможность не проходить через все формы и поэтому имеется множество потоков форм. В этой логической необходимости мы теперь, будучи другими человеческими существами, обнаруживаем залог братского родства наших умов и параллелизм наших усилий»¹⁹. Сплетение этих потоков, хотя и показывает братство наших умов, тем не менее, также показывает, что все братья в этих разных потоках оказываются разных возрастов. Культуры не живут эволюцией и заимствованием, они живут каждая в своем потоке форм, в котором они стремятся к совершенству. Это стремление изображается символически и математически в виде конуса (цилиндр уходит в бесконечность, а конус завершается, что символизирует – вершиной конуса - совпадение окончания данного состояния Вселенной с совершенством): «Так как конус, даже порожденный цилиндром, предполагающим бесконечность, включает в себя другую коническую полость (как в песочных часах - ТЛ), противоположную вершине первой; и потому Вселенная могла бы начать движение по новой конической спирали, а границы полости удалялись бы в бесконечность. Ничто не противоречит этой математической истине. Но она не может быть символически перенесена в метафизику... Математическая бесконечность является не бесконечностью, но метафизической неопределенностью: небесное Совершенство не коренится в неопределенном, оно коренится в бесконечности, и если мы и можем принять неопределенное за образ бесконечного, мы не можем применить к бесконечности рассуждения о неопределенном. Символизм является нисходящим, а не восходящим. Отдадим должное неведомым, но логичным и

¹⁹ Матжиои. Указ. соч. С. 154.

понятным чертежам небесной воли» 20.

Нам остается сказать несколько слов о приложении вечного символа метафизического пути к конкретной недалекой от нас истории. Мы по необходимости остановимся на этом очень кратко. Исчерпывающе этот вопрос освещен в книге Рене Генона «Царство количества и знамения времени» и в других его книгах. Во многом идеи Матжиои перекликаются с представлениями Генона, в целом, они об одном и том же с той поправкой, что последний проявляет больше внимания современному опасному состоянию человечества и надвигающейся катастрофе. Западная цивилизация согласно его концепции сошла с истинного пути, полностью отклонилась от Традиции, утратила связь с источником духовного влияния, а значит с источником духовной энергии. И поворот философии к рационализму и материализму, доминирование индивидуализма играли в этом решающую роль, поскольку ход событий определяет уровень интеллекта, состояние умов, обстоятельства же материального плана суть только следствия. Восточные цивилизации, в первую очередь Индия и Китай, сохранившие связь с Духовной Традицией, сопротивляются тотальной деградации; однако, надо сказать, что сейчас, под давлением технического прогресса их традиционность тоже находится под большой угрозой. Запад же, цивилизация которого соединила в себе разнородные духовные традиции – семитские в религиях иудаизма, христианства и ислама, и древние арийские традиции, названные победившим христианством языческими, но не пропавшие «без вести», а ушедшие в латентные фирмы культур народов, населяющих Европу, Россию и все страны, в которых некогда существовала единая «индоевропейская» цивилизация, - на протяжении веков жил в напряжении пути интегрирования разнородных духовных начал. Генон считал, что традиция «жила» вплоть до окончания Средних веков, и окончательно стала недостижимой в эпоху Просвещения. Таким образом, современность на внешнем срезе процесса, который называется историческим (он таков при допущении объективного времени и предполагаемого единства во времени), схематично представлена тремя большими цивилизациями, пути которых привели их на одну площадку, где они перекрещиваются. Человечество, пройдя все необходимые циклы перемен, оказалось как богатырь перед камнем трёх дорог, на котором написано: направо пойдешь – коня потеряешь, налево – самому убиту быть, а прямо – полная неизвестность. Как каждый конец цикла, он предстает как катастрофа (т.е. внезапное падение), Это верно и для всего человеческого рода, и для каждой цивилизации, и для каждого индивида. На самом деле гибнет все негативное, накопленное за прошедший цикл, так что переход предстает как «восстановление» правильного первоначального порядка на более высокой ступени. Но «пагубный» аспект всегда был иллюзией, сопутствующий разделению. Поэтому при переходе из одного цикла в другой уже нельзя говорить ни о «благовторном», ни о «пагубном», поскольку оба термина «обозначают оппозицию, которая больше не существует, потому что, как и всякая оппозиция, она принадлежит к относительной и ограниченной сфере; как только она превзойдена, тогда просто есть то, что есть и что не может не быть или же быть иным, чем оно есть; и таким образом, если хотят дойти до реальности самого глубокого

²⁰ Там же. С. 164-165.

порядка, можно сказать со всей строгостью, что “конец мира” никогда не есть и никогда не может быть чем-нибудь другим, кроме как концом иллюзии»²¹. То, что верно для циклов Вселенной, человеческого рода, цивилизации, верно и для индивида с тем уточнением, что его возможности более ограничены. Если говорить в терминах Кармы, т.е. о последствиях действий, то относительная свобода индивида совершать зло или добро²², ограниченная временем, имеет последствия тоже в этом же ограниченном времени, но не обязательно в одном и том же цикле: «Продукт деяний существования - это один из элементов, определяющих последующие существования. Но не будем забывать: этот элемент, чисто объективный, элемент радости или страдания, не может оказать никакого влияния на ход общего развития. Совершаем ли мы благо или зло, цикл, который нас ожидает, - один и тот же для всех нас; одни приходят к счастью, другие – к слезам; но ступень, на которую мы восходим в конце каждого круговорота жизни, одна и та же, и мы все необратимо приближаемся к одной и той же ценности, к бесконечности, которая всем нам суждена»²³.

Литература

- Генон Р. Великая триада / Пер. с фр. Любимовой Т.Б. М.: Беловодье, 2010. 224 с.
- Генон Р. Символы священной науки. Символы священной науки / Пер. с фр. Н.Тирос. М.: Беловодье, 2002. 496 с.
- Генон Р. Царство количество и знамения времени / Пер. с фр. Любимовой Т.Б. М.: Беловодье, 2011. 304 с.
- Истинный канон желтого двора. Комментарий Суй Юньдзяна / Пер. с кит. Виногородской В. М.: Издательство Ганга, 2018. 80 с.
- Матжиои. Метафизический путь / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2014. 255 с.
- Guénon, R. Distinzione fondamentale fra il “Sé” l’”io” / Rivista di Studi tradizionali. Nosce te ipsum. Torino, Edizione “Il Simbolismo”, 2018, № 109.

References

- Guénon, R. Velikaya triada [Great triad], trans. by T.B. Lyubimova. Moscow: Belovod’e Publ., 2010. 224 p. (In Russian)
- Guénon, R. Simvol’y svyashchennoj nauki [Symbols of sacred science], trans. by H. Tiros. Moscow: Belovod’e Publ., 2002. 496 p. (In Russian)
- Guénon, R. Carstvo kolichestvo i znameniya vremeni [Reign of quantity and the signs of the times], trans. by T.B. Lyubimova. Moscow: Belovod’e Publ., 2011. 304 p. (In Russian)

²¹ Генон Р. Царство количество и знамения времени. / Пер. с франц. Любимовой Т.Б.. М.: Беловодье, 2011. – С. 296-297.

²² Это условия человеческого существования: «Именно личная вера в добро и зло, ограниченные друг другом, создает из добра и зла объективную реальность в человеческом разуме. Именно сознание человека создает добро и зло, и именно свобода человека, позволяющая ему следовать за добром или за злом, порождает ответственность». (Матжиои, С.209).

²³ Матжиои. С. 212.

Istinnyj kanon zheltogo dvora. Kommentarij Suj Yundzyana [The true Canon of the yellow court. Sui Yunjian's Comment], trans. by V. Vinogradskaya. Moscow: Publ. Ganga, 2018. 80 p. (In Russian)

Matgioi. Metafizicheskij put' [Metaphysical path], trans. by V.Y. Bistrov. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2014. 255 p. (In Russian)

Guénon, R. Distinzione fondamentale fra il "Sé" l'"io" / Rivista di Studi tradizionali. Nosce te ipsum. Torino, Edizione "Il Simbolismo", 2018, № 109.

Metaphysical path

Lyubimova T., Institute of philosophy RAS

Abstract: Tradition and the doctrine of The Single Spiritual Tradition are based on the principle of primordial unity that unites the manifested and un-manifest worlds. Metaphysical path referred to in the book by Matgioi with the same title, begins and ends in the un-manifest. The goal of this path is the Endless. All creatures, civilizations, humanity as a whole and universe itself follow this way. This is Matgioi's commentary of the Tai-Chi symbol. He calls this symbol universal. The most accurate formula of the entire manifested world is represented in I-Ching, in which this universal symbol, the Great Limit, is deployed. The article is a comment to this review by Matgioi. Author's aim is to present understanding of these ancient documents from the point of view of the doctrine of The Single Tradition.

Key words: metaphysical way, universal symbol, tradition, Tai-Chi, world of forms, cycles of manifestation, universe, civilization, individual, Unity